

«Но тих был наш бивак открытый...»: несколько слов об источниках лермонтовского вдохновения

Михаил Михайлович Позднев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; m.pozdnev@spbu.ru

Для цитирования: Позднев М. М. «Но тих был наш бивак открытый...»: несколько слов об источниках лермонтовского вдохновения. *Philologia Classica* 2023, 18 (1), 99–112.

<https://doi.org/10.21638/spbu20.2023.109>

Установление источников «Бородино» — задача со многими неизвестными, едва ли посылная даже современной филологии. Тем не менее о нескольких слагаемых шедевра мы знаем: школьный этюд «Le champ de Borodino» 1829 г. и сочиненное годом или двумя позднее «Поле Бородино» в какой-то степени позволяют определить, между какими альтернативами Лермонтов выбирал. Например, франкоязычный прозаический текст рисует ночь перед боем в обоих станах, тогда как автор ювенильных стихов сосредоточен на русском. Историчность очевидным образом конфликтует с лиризмом. Преодолеть конфликт, то есть выступить историком битвы, оставаясь в костюме ее героя, получится лучше, если изображать действия, предполагаемые в данной сюжетной ситуации. Кроме мемуаров, среди которых явные пересечения с текстами Лермонтова обнаруживают записки Ф. Н. Глинки и Н. Н. Любенкова, поэт обращается к литературным моделям. В числе последних — «Илиада» в переводе Гнедича, который вышел в 1829 г. и живо обсуждался литераторами и учеными, в частности учителем Лермонтова А. Ф. Мерзляковым. Дополняя замеченную исследователями параллель с *Ил.* 11, 523, можем добавить к перечню искомых источников контрастное описание троянского и ахейского лагерей, увиденных глазами Агамемнона (10, 11–16), тем более что сочинитель «Le champ de Borodino» описывает поведение французов почти в тех же выражениях, что и Гомер — троянцев.

Ключевые слова: Лермонтов, Бородино, Гомер, Илиада, воспоминания о 1812 годе.

*Vsevolodo Zeltchenko quinquagenario**

«Бородино», связанное с описанием битвы в третьей песни «Полтавы» уже тем обстоятельством, что кроме названных двух в русской поэзии нет других батальных стихотворений, излагающих компактно, в нескольких строфах, решающее сражение от его начала и до конца, строго документальных в своей основе и равных силой художественного воздействия,¹ тем не менее разительно отличается от

* От других наук филология выгодно отличается свободой заново открывать одни и те же явления. В 2002 г. А. К. Гавриловым был отмечен мотив тишины, сближающий известный пассаж «Бородино» с *Ил.* 3, 1–9 и др. Ввиду малой вероятности заимствования параллель объяснена типологическим сходством фольклорных источников. В 2016 г. А. Ю. Нилова, питомец петрозаводской филологической школы, стремясь обобщить «гомеровские традиции в стихотворении “Бородино”.

пушкинского шедевра по эмоциональному настрою. Описывается *проигранная* битва, и общий тон пьесы печален. Мало того, каждый, кто хоть сколько-нибудь подробно разбирал свидетельства о бородинском бое, поймет, что иной исход был бы чудом, каких не случается на войне. Численность армии, вооружение, опыт солдат, искусство командиров, талант полководца, боевой дух войска — во всех составляющих победы русские уступали противнику, их мужество было мужеством отчаяния. В раннем «Поле Бородина» (1830 или 1831) это выражено с детской почти откровенностью: «Что Чесма, Рымник и Полтава? Я, вспомня, леденю весь: / Там души волновала слава, / Отчаяние было здесь».

Мысль присутствует и в мемуарах, особенно у Н. Н. Муравьева, чье немногословие («мы были гораздо слабее неприятеля и потому не должны были надеяться на победу»)² убеждает больше, чем романтический стиль его сына А. Н. Муравьева.³ Влияние на мемуаристов самого «Бородина» здесь маловероятно; сходства: «без помощи свыше невозможно было устоять» (А. Н.); «подобной битвы, может быть, нет другого примера в летописях всего света» (Н. Н.) — не более чем общие места, так же как безбожие французов, допускающее сравнение с магометанами.⁴ Так думали все участники дела, и так должен был рассказывать о нем своему внучатому племяннику А. А. Столыпин.⁵

Лермонтоведами признается использование воспоминаний Н. Н. (?) Любенкова («Рассказ артиллера о деле Бородинском»), опубликованных

М. Ю. Лермонтова» (ни больше, ни меньше), указывает попутно на буквальное совпадение всем знакомого «смешались в кучу кони, люди» с *Ил.* 11, 523. Эту А. К. Гаврилова при этом не упоминается. Сказанный этюд вошел в серию миниатюр о рецепции античности в русской поэзии золотого века, на создание которых корифей нашей филологии вдохновило появление «Абариса». Надеемся, его издателю не покажется странным получить в подарок на пятидесятилетие нижеследующий очерк — как воспоминание о тогдашних спорах. Добавим, что прочитав рукописную версию текста, В. В. Зельченко изрядно помог автору в его доработке, указав на важную параллель в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки и поделившись труднодоступным изданием лермонтовского «Le champ de Borodino» (в 4-м томе изданного Пушкинским домом юбилейного собр. соч.).

¹ «Чесмесский бой» Хераскова и тому подобные творения при всей любви к XVIII веку выводим за скобки, да они обычно и чересчур длинны, чтобы выдержать сравнение. Сознаем, конечно, что в «Полтавском бое» нет буквально *ни одного* неточного или недостаточно выразительного слова, чего о стихах Лермонтова сказать нельзя. Однако Пушкин дает картину скорее историческую, Лермонтов же скорее документальную: изображается один участок сражения. Этим, в частности, объяснима преимущественная выразительность отдельных мест.

² Деловой тон Н. Н. принимает в рассказе о войне, то есть о том, чем он занимался профессионально. В других местах литературность ему совершенно не чужда и достигает даже высот (например, в историческом портрете, см.: Подольская 1989, 71). Сходно впечатление о деле 26 августа Г. А. Крейца: «считая оно последним в своей жизни, всякий дрался, чтобы увековечить свое имя». Мемуары Муравьевых и Крейца см.: Кулагин 2001 75–81; 95–111; 132–133.

³ Одного из основателей «Союза благоденствия», что очень видно: «Повсюду служили перед нею [Смоленской иконой] молебны, чем возбуждалось религиозное чувство в войсках, которые на этот день уподоблялись несколько пуританам Кромвеля, если б чувство это не осквернено было идолопоклонством»: Кулагин 2001, 78. Автобиографические записки А. Н. Муравьева созданы после 1856 г.: Герасимова, Дубин 1986, 352.

⁴ Этим объясняются пересечения «Поля Бородина» с изданным в 1837 г. «Рассказом артиллера о деле Бородинском» Николая Любенкова («роковая ночь», ср. «отчизны в роковую ночь»; «ночь провели на трупах и раненых», ср. «На труп застывший, как на ложе, / Я голову склонил»): Бродский 1948, 25; 28.

⁵ Ссылаемся на статью «Столыпины» в «Лермонтовской энциклопедии», об Афанасии Алексеевиче см.: Прокопенко, Назарова 1981, 552–553; также: Пенькевич 1992 (<http://elsso.ru/cont/pp/518.html> [21.09.2022]); Гаврилов 2002, 10 (прим. 16).

в 1837 г.⁶ Действительно, пафос Любенкова местами совершенно идентичен, параллели просматриваются и на лексическом уровне: «Сражение сделалось как бы поединком, трупы усеяли землю, лошади без всадников, разметав гривы, ржали и скакали; отбитые орудия, остовы ящиков были разбросаны, дым, пламя, гул орудий, изрыгающих непрерывный огонь, — стонали раненые, дрожала земля».⁷ Очаровывает наблюдение за тем, как переплавляются творческим воображением гения отдельные фрагменты, застывая в новой, хотя похожей на источник, но все же вполне самобытной форме.

В том же горне оказывается материал сугубо литературный, заимствуемый из античной поэзии, *Ил.* 11, 523–530 (слова Кебриона, колесничего Гектора):⁸

Гектор! тогда как мы здесь подвигаемся между данаев,
Здесь, на конце истребительной брани, — взгляни ты, другие
Наши волнуются рати; смешались и кони и вои.
Их Теламонид волнует Аякс; узнаю ратоводца:
Носит на раме огромный он щит. Но туда мы и сами
Бурных коней обратим с колесницею; там наипаче
Толпища пеших и конных, с ужасным свирепством сшибаясь,
Режутся между собою, и крик их гремит неумолкный!

Уже после этого странно было бы решить, что стихотворение Лермонтова «далеко от каких-либо античных ассоциаций», и поэтому Шиллер, Байрон, французская литература и (типичное для романтиков) увлечение Востоком, затмив «классический юг», именно здесь делают влияние Гомера «особенно маловероятным».⁹ Не одно только буквальное совпадение, но и общий настрой сцены схож: чтение романтической поэзии учит опираться на подобные, воздушные в иных случаях, доводы. Хронологическая близость оставляет мало сомнений в том, что «Рассказ артиллериста» вдохновлял Лермонтова. Не менее правдоподобно и то, что ученик А. Ф. Мерзлякова, автор пародирующей Гнедича эпиграммы «Се Маккавей-водопийца» (того же года, что и «Бородино»), создатель «Валерика», где ярчайший образ — заваленная трупами, струящаяся кровью река — перекликается с *Ил.* 21,¹⁰ обращается к Гомеру сознательно. Близоруки тезисы вроде: «романтической ветке нашей поэзии Гомер был не нужен: ни Лермонтову, ни Блоку, ни Пастернаку, — ни одного упоминания, ни одного образа, навеянного им» (А. С. Кушнер).¹¹ Столь же, впрочем, глубокомысленны обобщения, подобные следующим: «Для нас лермонтовское «Бородино» — это русская «Илиада». С этого стихотворения мы начинаем

⁶ См. уже: Бродский 1948, 48; 50; И. Л. Андроников предполагал общий источник (см. «Материалы лермонтовской комиссии...» 2014, 100). Возможно, чтение Любенкова стало одной из причин, побудивших поэта переработать «Поле Бородина» в более совершенную вещь.

⁷ Любенков 1837, 21. Ср. еще такой отрывок: «Ударить, разбить — вот к чему пламенеет кровь Русская. Но, вняв воле Царя, спасителя отечества, мы с терпением переносили отступление; наконец, утомленные им, мы жадно ожидали генеральных сражений. Авангардные дела мало занимали нас, мы решились всей массой войска принять на себя врага».

⁸ «Илиаду» везде цитируем в переводе Н. И. Гнедича (1829); знакомство Лермонтова с этим текстом не ставится под сомнение.

⁹ Гаврилов 2002, 5.

¹⁰ См.: Нилова 2014 и 2016.

¹¹ «С Гомером долго ты беседовал один» (впервые в «Звезде», 2001, 3), см.: Кушнер 2022.

достижение отечественной классики. А «Илиада» веками была основой античного Просвещения [так, с прописной], значит — и основой основ мировой школы» (С. И. Кормилов).¹² Правду сказать, попытки выявить в «Бородине» структурное и стилистическое сходство с «Илиадой» («Господня / Божья воля» тождественна движущему событиям вмешательству богов; возрастание эмоционального накала от эпизода к эпизоду и само «внимание к изображению речи» восходят к древнегреческому эпосу¹³) скорее поддерживают старое литературоведение, в котором укоренился взгляд на Лермонтова как на первого русского поэта, к несчастью для себя порвавшего с античностью.¹⁴ Сходство должно обнаружиться не в композиционных элементах, и уж конечно, не в типах. Невозможно предполагать тождество «богатырей» дядинога рассказа с героями медного века,¹⁵ но опрометчивой была бы и попытка *exempli gratia* возвести «дядю» к гомеровскому Нестору (ср. *Ил.* 11, 670: «Если бы молод я стал и могучеством крепок, как прежде...»). Убедительную параллель даст колоритная *деталь*, рельефная и легко отождествляемая, причем непременно в *одинаковом контексте*. Одна не предоставит еще доказательства, зато дважды, по известной присказке, означает всегда.

Итак, намечаются слагаемые (говоря условно, поскольку наука поэзии — неточная, οὐχ ἡ αὐτὴ ὁρθότης ἐστὶν κτλ: *Ar. Poet.* 1460b13–15) лермонтовского повествования: впечатления и оценки, перенятые у очевидцев, исторические подробности, усвоенные от них же, но главным образом — из книг о 1812 году, и наконец, фольклорные и собственно литературные модели, например «Полтава». («Тяжкой тучей / Отряды конницы летучей...»; «Сквозь дым летучий / Французы двинулись, как тучи...» — может ли подобное быть случайностью?) Хотя пренебрежение малозначительным («два дня мы были в перестрелке») неизбежно, в лучших образцах документальной лирики никакое начало не противоречит другому: историчность не должна делать рассказ сухим, литературному или философическому возбраняется видоизменять нагую очевидность.¹⁶ Если что-то вдруг доминирует, разглядеть источник, который поэт обычно стремится скрыть, становится проще.

Подражательность юношеского «Поля Бородина» слишком заметна:¹⁷ «Безмолвно мы ряды сомкнули / Гром грянул, завизжали пули». Допустим, молчание, не

¹² См.: Кормилов 2012, 112. Надо скорее признать: цитируемое обобщение, неосторожное для тех, кто полжизни отдал Гомеру, несколько не умаляет ценности других замечаний автора, в частности подробное и весьма убедительное сопоставление двух стихотворений Лермонтова о Бородинской битве с «Подем Ватерлоо» Вальтера Скотта, см. ниже, прим. 17.

¹³ Нилова 2016, 103.

¹⁴ Краков 1914, 814–815.

¹⁵ Нилова 2016, 103–104.

¹⁶ Формулируемое правило (в разговоре о литературе нельзя обойтись без нормативных определений) относится не только к лирике. Постоянно нарушая его, Л. Н. Толстой дал законный повод П. Я. Вяземскому заметить в «Войне и мире» «перепутывание истории и романа», которое «вредит первой и не возвышает последнего». Это недовольство проскальзывает и у А. С. Норова («Автор романа предпочел заняться господином Безуховым...» и т. д.).

¹⁷ С. И. Кормилов (как указано выше, прим. 12) и В. А. Мануйлов, автор статьи в «Лермонтовской энциклопедии», отмечают сходство «Поля Бородина» с поэмой В. Скотта «Поле Ватерлоо», формальное и содержательное (в т. ч. 11-стишная строфа, замененная в «Бородине» 7-стишной). «Поле Бородина» является как бы ответом В. Скотту и другим зап.-европ. поэтам и историкам, к-рые, преувеличивая значение последней победы антинаполеоновской коалиции, недооценивали значения Бородинской битвы, надломившей силы французов» (Мануйлов 1981, 424). «Воздействие поэмы “Поле Ватерлоо” на “Поле Бородина” бесспорно. Это видно даже по современному переводу

так заметное за пушкинской реминисценцией, подчеркивает каменную стойкость русских в их безнадежном положении — хотя едва ли солдаты стали бы кричать и плакать, когда приходилось смыкать ряды, из которых пушечным огнем вырывало стоящих рядом («от врага удар неожиданный на батарею прилетел», где «нежданный» — неточный синоним «внезапного»). Но мотив тишины ощутим уже в первых стихах: «Всю ночь у пушек пролежали / Мы без палаток, без огней, / *Штыки вострили да шептали / Молитву родины своей*».

Одноименный франкоязычный набросок — «Le champ de Borodino», первый опыт Лермонтова на бородинскую тему, в жанровом плане определяемый как «ученическое сочинение» (И. Л. Андроников)¹⁸ и датируемый соответственно последним годом обучения в Московском пансионе (1829 — начало 1830-го), включает следующее описание:

«Tout était bruyant et gai dans les tentes françaises illuminées, comme la veille d'une fête, par mille feux de joie ; les jeunes officiers buvaient, riaient, chantaient sans être tourmentés ni par un souvenir, ni par un pressentiment. Les soldats, se confiant aux talents de leur grand capitaine et à leur propre nombre, jouissaient d'un repos à demi troublé par des bruit confus, qui sortais parfois des tentes de leurs chefs.

Notre armée, triste et silencieuse, présentait un aspect bien différent : on n'entendait rien que les cris entrecoupés des sentinelles, le bruit sourd des pas d'un coursier qui traversait le camp ventre à terre, monté par un Cosaque porteur de dépêches, ou quelquefois encore *la prière d'un vieux soldat, faite à voix basse, tandis qu'il aiguisait sa baïonnette noircie par la poudre, sur l'affût d'un canon...*»¹⁹

Параллели несомненны (ср. отмеченное курсивом), но налицо и отличия: ничего похожего на «без палаток, без огней» в прозаическом тексте не находим, зато присутствует антитеза, которой нет в ранних, зависимых и спорных, стихах и которая повторена в чеканном «Бородине»: у тех шумное веселье, здесь грусть и тишина.²⁰

В комментарии к единственному изданию «Le champ de Borodino» оппозиция объяснена школьным заданием представить событие в различных перспективах.

Ю. Левина»: Кормилов 2012, 114. Далее цитируются отрывки этого перевода, действительно напоминающие Лермонтова (и Пушкина). Там же, стр. 115: «Лермонтовского “вождя”, а потом “полковника-хвата”, призывавшего умереть под Москвой, предварял Веллингтон в “Поле Ватерлоо”. “Одусевля каждый полк, / Вождь восклицал: “Исполним долг / Пред Англией родной!”» Признается, впрочем, и влияние исторических свидетельств: «Приняв команду, Дохтуров объявил войскам: “За нами Москва, умирать всем, но ни шагу назад”» (со ссылкой на кн.: Бешанов В. В. *Шестьдесят сражений Наполеона*. Минск, 2000).

¹⁸ Чистова, Охотин 2014, 617.

¹⁹ Там же, 369. Перевод В. А. Мильчиной: «В освещенных множеством ярких огней французских палатках было шумно и весело, как накануне праздника; молодые офицеры пили, смеялись, пели, и ни воспоминания, ни предчувствия не омрачали их душу. Солдаты, уверенные в талантах их великого полководца и в собственной численности, наслаждались покоем, который нарушали лишь смутные звуки, доносившиеся порой из палаток их командиров. Наша армия, печальная и молчаливая, имела вид совершенно иной: здесь слышались только отрывистые возгласы часовых, глухой стук копыт коня, на котором мчался во весь опор казак с донесениями, или [порой еще — М. П.] *приглушенный голос старого солдата, который молился, точа на лафете свой почерневший от пороха штык...*»

²⁰ Ср. там же, 619. Не вполне ясно, в какой строке комментаторы обнаружили «описание черного мрака», якобы «превратившееся в бурю и непогоду».

Текст строится на «параллельной подаче “французской” и “русской” точек зрения» и при этом «более всего походит на практиковавшиеся в Московском благородном пансионе исторические сочинения-рассуждения, часто предполагавшие сопоставительные характеристики исторических лиц или событий».²¹ Возможно, таков был план, однако, имея мы дело со школьным упражнением, сопоставительный принцип был бы выдержан на протяжении всего текста; между тем картина битвы представлена без малейших следов «параллельной подачи». Перед нами попытка изобразить достоверно, в деталях (за счет обилия которых описание русского лагеря выходит нагляднее), причем с поэтическим (уже вполне лермонтовским) минимализмом. Убедительность достигается в том числе путем сравнения обоих станов. Именно такое требование к историку выдвигает Ф. Н. Глинка в этюде «О необходимости иметь историю отечественной войны 1812 года» (1816, в первой части «Писем к другу»):

«Накануне сражения сочинитель, обойдя стан свой, должен сводить читателя и в стан неприятельский, показать ему положение войск и расположение духа их. Оба они должны прилежно вслушиваться, что говорят простые воины у полевых огней, что шепчут генералы в шатрах своих и какие речи раздаются в темноте ночной или на утреней заре пред боем из уст главных предводителей войск».²²

Не знаем, читал ли это автор «Le champ de Borodino»; так или иначе, главной рекомендации Глинки он следует. Речей, мнений о битве мы, правда, не слышим, но ведь все «Бородино» и есть подобная «точка зрения».

Текст вряд ли был «прямо скопирован с какого-либо пока не выявленного франкоязычного источника (учебная хрестоматия, антология и т. д.) или же переведен с неустановленного оригинала» — альтернатива, которую, по мнению комментаторов, «нельзя исключать».²³ набросок создан самостоятельно, хотя с опорой на воспоминания очевидцев. Одним из таких источников, по всей вероятности, были широко известные «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, вышедшие в 1815 г., а в 1821-м переизданные с параллельным французским переводом, который выполнил С. Н. Глинка (старший брат литератора). Для наглядности цитируем из этого перевода отрывок, сочиненный в полном согласии с представлением автора «Писем» о том, как требуется изображать ночь накануне битвы:

« Tout se tait. Les Russes, avec une conscience pure et irréprochable, sommeillent autour de feux qui fument. Les avant-postes se renvoient des annonces prolongées. L'écho les répète à peine. Le ciel est rembruni par la fumée ; les étoiles paraissent rarement ; tout est dans le repos de notre côté, et de l'autre brillent des feux étincelants dans les bivouacs : la musique, le chants, le son des trompettes et les cris retentissent dans tout le camp. On entend des exclamations! Apparemment que le nos adversaires saluent Napoléon, qui parcourt les rangs ».²⁴

²¹ Там же, 616–617.

²² Глинка 1990, 159.

²³ Чистова, Охотин 2014, 617.

²⁴ «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и Заграничной войны с 1812 по 1814 год». Русский текст там же: «Все безмолвствует!.. Русские, с чистой, безупречной совестью, тихо дремлют, облегли дымящиеся огни. Сторожевые цепи пересылают одна другой протяжные отголоски. Эхо чуть вторит им. На облачном небе изредка искрятся звезды. Так все спокойно на нашей стороне. Напротив того: яр-

Впечатление, оставленное мемуарами Глинки, отразилось в живописных образах «Le champ de Borodino». Однако в стихотворении, воспринимаемом как первая редакция или черновик «Бородина», мы видим только русских, от параллельной подачи поэт отказался, на противников разве что намеком указывает странное «без огней». Исчезает переключка часовых, оставлена «молитва» и «вострение» штыков. Подготовка оружия в ночь перед боем естественна и соответствует описаниям мемуаристов. Но все же картина удивительно неправдоподобна. Вот как было на самом деле:²⁵

«Московские ратники оканчивали насыпи на батареях, а артиллерию развозили по местам и приготовляли патроны. Солдаты чистили, острили штыки, белили портупей и перевязи; словом, в обеих армиях 300 000 воинов готовились к великому страшному дню. Наступила ночь; биваки враждующих сил запылали бесчисленными огнями, кругом верст на двадцать пространства; огни отражались на небосклоне на темных облаках багровым заревом: пламя в небе предзнаменовало пролитие крови

ко блещут устроенные огни в таборах неприятельских; музыка, пение, трубные голоса и крики по всему их стану разносятся. Вот слышны восклицания! Вот еще другие!.. Они, верно, приветствуют развезжающего по строям Наполеона». Кроме Глинки поведение русских и французов перед битвой особенно резко противопоставляет А. Н. Муравьев (см. прим. 3): «Разительно было расположение духа обеих сторон: неприятель, возбуждаемый прокламациями своего вождя, разложил большие огни, упивался чем кто мог и кипел против нас яростью; наши же, напротив, также озлобленные на французов и готовые наказать их за нашествие на Отечество наше и разорение, ими причиняемое, воздерживались, однако, от излишества в пище и питье, которого было у нас много поблизости от Москвы, и молили Бога о подкреплении их мужества и сил...» См. также след. прим.

²⁵ Свидетельства очевидцев расходятся, иногда с точностью до наоборот: «Как только прекратилась перестрелка, зажглись лагерные огни. Со стороны русских они сияли огромным полукругом, с нашей же стороны они представляли бледный неровный свет и не были расположены в порядке, так как войска прибывали поздно и впопыхах, в незнакомой местности, где ничто не было подготовлено и не хватало дров» (Ф. де Сегюр); «7 сентября. Всю эту ночь мы принуждены были провести на сухой земле, без огней. Дождливая и холодная погода резко сменила жару. Внезапная перемена температуры вместе с необходимостью обходиться без огня заставила нас жестоко страдать последние часы перед рассветом. Кроме того, мы умирали от жажды, у нас не доставало воды, хотя мы и лежали на влажной земле» (Ч. Ложье): Кулагин 2001, 225; 275. «Бледно и вяло горели огни на нашей линии, темна и сыра была с вечера ночь на 26 августа; но ярко и роскошно чужими дровами освещал себя неприятель. <...> Рокот барабанов, резкие звуки труб, музыка, песни и крики несвязные слышались у французов. Священное молчание царствовало на нашей линии. Я слышал, как квартиргеры громко сзывали к порции: «Водку привезли! Кто хочет, ребята! Ступай к чарке!» Никто не шелохнулся. По местам вырвался глубокий вздох и слышались слова: «Спасибо за честь! Не к тому изготовились, не такой завтра день!» И с этим многие старики, освещенные догорающими огнями, творили крестное знамение и приговаривали: «Мати Пресвятая Богородица! Помоги постоять нам за землю свою» (Ф. Н. Глинка, «Очерки Бородинского сражения [вспоминания о 1812 годе]»). «Очерки» созданы Глинкой в 1839 г. — к этому времени его творчество приобретает духовное направление. Заметим еще, что события ночи и утра намеренно смешаны, а народные образы слишком театральны, чтобы казаться списанными с натуры: невольно думаешь, уж не сошли ли эти «старики» с лермонтовской страницы? А. К. Гаврилов приводит строки Норова, свидетельствующего о «необыкновенном оживлении... как бы перед большим праздником во всех рядах русских войск». Однако разноречивость мемуаров, самым поучительным образом описанная ученым, не уничтожает возможности использовать их в историческом разборе. В свидетельствах строго документальных, без явного желания впечатлеть, состояние двух армий никак не противопоставлено: «25-е число наступило и прошло спокойно, обе стороны, казалось, были как бы в одинаковом настроении: приготовиться к великому бою» (Д. И. Богданов); «25-го числа в обеих армиях было совершенное спокойствие» (А. П. Ермолов); «Обе армии провели ночь в таком настроении духа, которое охватывает человека в ожидании события, которое должно осуществить все желания или разрушить все надежды» (В. И. Левенштерн); см.: Кулагин 2001, 169; 26; 64.

на земле» (И. Т. Роджицкий, «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год», см. Кулагин 2001, 161).

О громадном множестве огней в *обоих* лагерях читаем и у других. Их можно понять: видеть такое приходится нечасто. Отсутствие костров в русском стане, нужное ученику, чтобы гротескнее передать настроение, исчезло в итоговом, знаменитом всем тексте. Исчезает и «молитва», оставив едва заметный след в «Господней воле» (хотя у мемуаристов она центральна, в том числе у Любенкова: «молитва для русского есть уже половина победы», и в «Поле Бородина» образует повторяющийся мотив: «перекрестился я»; «в душе сказав: помилуй, Боже»). Патриотическая тема, наоборот, акцентируется сильнее. Вместе это дает повод для размышлений о мировосприятии автора «Фаталиста». Мотив безмолвия усилен: «мы долго *молча* отступали» — здесь тишина едва ли связана со стойкостью. Вместо антиисторичного «без палаток, без огней» (тем менее сообразного, что 25 августа прошел мелкий дождь, земля была сырой²⁶) возникает один из лучших пассажей пьесы: «И слышно было до рассвета, / Как ликовал француз...» и т. д.

Выразительность достигается сперва за счет антитезы, структурной основы описания ночи в школьном этюде. Затем вносится как бы некое чувство пространства: «Но тих был наш бивак *открытый*». Мы выделили деталь, загадочность которой по законам эстетического восприятия, всякий раз требующим вмешательства филологии, совершенно уничтожается красотой целого. Почему «открытый»? Русский лагерь был укреплен едва ли не лучше французского. Ведь не означает же «открытость» возврат к нелепому, ничем не оправданному художественно и противоречащему исторической правде дефициту армейских шатров. Ш. П. Л. Гриуа (*Mémoires du général Griois, 1792–1822*), в свою очередь, отмечает и огни, и строительные укрепления русских.²⁷ Сам Лермонтов дважды упоминает «редут»: его «построили» первым делом, и за него велась самая ожесточенная битва. Строительство флешей, названных впоследствии по имени Багратиона, на слабом левом фланге не успели довести до конца, но все же и они, и батарея Раевского — ключевой пункт позиции — были мощными укреплениями, открытость расположенного за ними бивуака — явная гипербола. На каком-то из этих двух редутов, вероятно, и находится персонаж Лермонтова. Параллельное описание в «*Le champ de Borodino*» позволяет думать, что «наш редут», на который «французы двинулись, как тучи», — это именно батарея Раевского: «*Près d'un ravin dans le centre de la ligne russe il y avait une misérable redoute, mais élevée sur un terrain qui dominait tous les environs. <...> Contre ce terrible mais petite redoute, qui devint le tombeau de tant de braves, se dirigent les forces principales de l'ennemi*». Д. И. Богданов, военный инженер, участвовавший в сооружении этой батареи, сообщает:

«Генерал Раевский приказал усилить внутреннее прикрытие и, возвращаясь к собравшимся генералам, он сказал: “Теперь, господа, мы будем спокойны; император Наполеон видел днем простую, *открытую* батарею, а войска его найдут крепость:

²⁶ Возможно, в связи с этим фактом, отмеченным, в частности, в записках Н. Н. Муравьева, поэт вспомнил ходульные образы романтиков: «шумела буря до рассвета»; «брат, слушай песню непогоды».

²⁷ «Горизонт освещали бесчисленные огни, довольно беспорядочно разбросанные у нас, симметрично расположенные у русских вдоль укреплений». Цитата in extenso: Гаврилов 2002, 6–7.

доступ к ней защищают более 200 орудий, рвы достаточной глубины и ширины, оглазировано снаружи прочно и хорошо; увидим, как и что будет» (Кулагин 2001, 170).

«Построили редут» самóй своей бодрой интонацией противоречит тому вполне пристрастному, заданному лишь общим пафосом, определению, которое дано этому редуту школьником. Повзрослевший поэт воспитал в себе достаточно исторического вкуса, чтобы не считать батарею Раевского «*misérable*»: хотя, по данным археологов, она «не имела полного профиля», не воспринималась как совершенно неприступная для кавалерии, была, по-видимому, уязвима с флангов и т. д.,²⁸ все же масштаб и общий вид редута, в возведении которого участвовало восемьсот с лишним строителей, оставляли впечатление мощи. В одном только случае русский лагерь допустимо воспринять как «открытый» атакам врага — если эта «открытость» подразумевает глубокую *уязвимость* армии, обреченной на поражение, несмотря на все попытки позиционно и даже идеологически ее укрепить.

Впечатление роковой опасности усиливает оппозиция. Мотив тишины, восходит ли он к фольклору, взят у Гомера, или же Лермонтов опирается на мемуары (а скорее всего, так же как в описании сумятицы битвы, — и то, и другое, и третье), есть лишь ее часть, поскольку «ликование» не тождественно шуму (ср. «*mille feux de joie*» в юношеском наброске). Воодушевление в войсках Наполеона объяснимо прежде всего сознанием превосходства. Так в воспоминаниях Гриуа (см. выше); из французских мемуаристов, кажется, он — единственный, кто отмечает в своем лагере шум и веселье: «У нас царила шумная радость, вызванная мыслью о битве, исход которой никому не казался сомнительным».²⁹ Немногим отличается впечатление Любенкова: «Огни врагов светились еще. Что там? Готовы ли на бой? Но нет: у них запальчивость и тщеславие, у нас судьба отечества, груди стеной».³⁰ Черты заранее торжествующего врага станут пастознее, если подразумевалось типичное поведение перед боем солдат непобедимой армии. В устах фольклорного пушкаря такая рефлексия невозможна, но рассказ «дяди» выдает истинных информантов, умевших, например, различать виды французской кавалерии.

Говоря от лица участника битвы, автор «Поля Бородина» имел все основания пренебречь антитезой: на батарее Раевского, отстоящей от ближайших французских позиций (Морана и Жюно) почти на 2 км, русские не могли слышать, как в стане врага «*les jeunes officiers buvaient, riaient, chantaient...*» etc. Около шести утра до их слуха донеслось громогласное «*Vive l'Empereur!*» (когда было зачитано обращение Наполеона), затем трубы и барабаны возвестили начало атаки. Впрочем, к сугубой историчности автор, как мы видели, не стремился. Главной причиной отказа от контрастной подачи в ранних стихах оказалось не столько стремление изложить документально точно, сколько субъективный характер изложения. Гораздо больше

²⁸ См.: Гоняный, Соловьев 2020, 185; Соловьев 2016, 43–44. Археологические данные подтверждают, что батарея не соответствовала нормам, указанным в учебниках фортификации. Очевидно, доделать не успели. Но пусть бы и успели: неприступных крепостей, как известно, не бывает.

²⁹ Мемуары французов в сб. «Бородино в воспоминаниях современников» перепечатаны из сборника «Французы в России» (ч. 1–3), подготовленного А. М. Васютинским, А. К. Дживелеговым и С. П. Мельгуновым к 100-летию победы над Наполеоном. К 200-летию сборник переиздали, не добавив новых материалов.

³⁰ Любенков 1837, 21.

«дяди» напоминающий романтических героев Вальтера Скотта («душа от мщения тряслась»; «я спорил о могильной сени»), тот, первый, рассказчик сконцентрирован на собственных чувствах и на своем окружении. Субъективность эта ничуть не конфликтует с правдой жизни: герой естественным образом видит и слышит лишь доступное ему. Иное дело — правда истории. От историка требуется, вняв совету Ф. Н. Глинки, показать, что происходит в обоих лагерях. К этой художественной сверхзадаче Лермонтов возвращается в «Бородине». Решить ее значит перевоплотиться в героя, оставаясь зрителем (μάλιота πρὸ ὀμμάτων τιθέμενον: Ar. *Poet.* 1455a23), — в чем состоит мастерство драматурга и загадка гениальности. Но поэт ни при каких обстоятельствах не может превратиться в историка; такая подмена уничтожит самую сущность поэзии (как тут не вспомнить гл. IX «Поэтики» Аристотеля³¹). Сосредоточенная подготовка наших солдат, равно как и шумная радость французских, изображает *предполагаемое* поведение, исторически правдоподобное в силу замечательно удавшейся типизации. Веря Лермонтову, понимаем, что антитеза «ликование» / «тишина», не иначе чем «открытость» лагеря, есть поэтический прием, а раз так, оправданным становится исследование литературного прошлого. Заимствование не способна подтвердить демонстрация сходных мотивов в изоляции от контекста: противопоставление криков врага молчанию своих само по себе, а тем более в той «формульной» ситуации, когда войска сходятся в битве, действительно, скорее предполагает типологическую схожесть и поиск прототипов в фольклоре. Иное дело — подчеркнем снова — применение одних и тех же художественных средств в сходной сюжетной ситуации.

Мы могли бы вспомнить описание ночи перед битвой при Азенкуре в начале IV акта «Генриха V»: «Proud of their numbers and secure in soul, / The confident and over-lusty French / Do the low-rated English play at dice / ...The poor condemned English, / Like sacrifices, by their watchful fires / Sit patiently and inly ruminate / The morning's danger». По настроению сцены близки, однако искомой антитезы у Шекспира нет. Кроме того, англичане выиграли сражение. Греки «Илиады» по воле Зевса уступили троянцам, те ворвались в их укрепленный лагерь, дело едва не кончилось полной победой врага. Ахейцы проиграли битву, но выиграли войну. Событийное сходство налицо. Рассматривая близкие контексты, обнаружим совпадения слишком красноречивые, чтобы списать их на счет типологической общности. Сперва не так явно, 8, 553–554:

Гордо мечтая, трояне на поприще бранном сидели
Целую ночь; и огни их несчетные в поле пылали.

Здесь нет полного тождества, но надо вспомнить, что следующее за описанием троянского лагеря сравнение со звездами и разверзшимся за ними эфиром стало знаменитым, в частности, благодаря аллегорическим толкованиям, на которых мог подробно остановиться ученый и переводчик, излагавший Лермонтову школьного автора еще во время домашних занятий, до поступления поэта в Московский уни-

³¹ Аристотель не просто понимает, но, кажется, и лучше прочих определяет «некое существенное различие между поэзией и историей» (Гаврилов 2002, 9), которое, кстати сказать, плохо чувствуют александрийские филологи, не знакомые с «Поэтикой».

верситет, а затем, вероятно, и на лекциях.³² Оппозиция возникает в начале следующей песни: «ахейя волнует / Ужас, свыше ниспосланный, бегства дрожащего спутник...»; в их лагере царит угнетенная тишина, и Агамемнон велит «к сонму вождей приглашать, но по имени каждого мужа, / Тихо, без клича...» Наконец, в первых стихах «Долонии», не менее выгодной для школьного комментария, сходство становится кричащим, 10, 11–16:

Ибо когда озирает он [Агамемнон] троянский стан, удивлялся
Их огням неисчетным, пылающим пред Илионом,
Звуку свирелей, цевниц и смятенному шуму [ὄμαδόν] народа.
Но когда он взирал на ахейский стан неподвижный,
Клоки власов у себя из главы исторгал, вознося их
Зевсу всевышнему: тяжело стеноло в нем гордое сердце.

Набросок «Le champ de Borodino» возник вскоре после выхода в свет труда Гнедича,³³ ставшего главным литературным событием 1829 года. Трудно представить, что мимо внимания пятнадцатилетнего ученика прошел текст, обсуждавшийся учителем. Вновь перечитывая лермонтовский отрывок, находим детали, которых нет в описании Глинки: «mille feu» не отсылает ли к «огням неисчетным», а «bruit confus» — не буквальное ли соответствие «смятенному шуму»?

Попытка принести объективность в жертву личному, лирическому началу («Поле Бородино») оказалась неубедительной. Историзм³⁴ задан темой, и потребовал от поэта недюжинного умения пользоваться правилами поэтической науки. «Без огней» в итоговой редакции законно отброшено, снова возникла антитеза двух станов, совершенно гомеровская и духом, и буквой. Завершая, отметим, что ὄμαδόν (всюду о шумных троянцах) уже схолиасты объясняют как поведение варваров (τὸ θορυβῶδες τῶν βαρβάρων) и что Гнедич, на чей перевод только и мог ориентироваться Лермонтов, добавил от себя эпитет «неподвижный», чтобы поддержать не вполне выразительное νῆας τε... καὶ λαὸν Ἀχαιῶν, а возможно, и помня о возникшем у античных критиков затруднении. Пока троянцы шумно веселятся у своих костров, ἀριστῆες Παναχαιῶν / εὐδὸν παννύχιοι (10, 1–2). Текст аристотелевской «Поэтики» засвидетельствовал недоумение древнейших читателей «Илиады» относительно общего спокойствия в ахейском лагере; τὸ γὰρ πάντες ἀντὶ τοῦ πολλοί — объясняет Аристотель (*Poet.* 1461a19). Быть «точно таким же, каким и всегда» — так изображает храбрость Лев Толстой в «Набеге». Именно это, а не «судьбу отечества, груди стеной» решил оставить Лермонтов.

Литература

Бродский Н. Л. «Бородино» М. Ю. Лермонтова и его патриотические традиции. Москва — Ленинград, АПН, 1948.

³² О роли Мерзлякова см.: Степанов 1981, 278.

³³ Отсылки к античной лирике в раннем творчестве Лермонтова каталогизирует А. Я. Краков в подробной статье 1914 г. — их не один десяток; различного вида заимствований и пересечений можно, вероятно, насчитать и больше (Нилова 2016, 102). См. также: Маслов 1908, Суздальский 1981.

³⁴ Который «необыкновенно окреп за несколько лет, разделяющих обе редакции» (Гаврилов 2002, 8), и был заново востребован в редакции окончательной.

- Гаврилов А. К. Бородино и Троя: поэзия, история и правда. *Абарис. Журнал Петербургской классической гимназии* 2002, 3, 5–10.
- Герасимова Ю. И., Думин С. В. (изд.) А. Н. Муравьев. *Сочинения и письма*. Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986.
- Глинка Ф. Н. *Очерки Бородинского сражения. Воспоминания о 1812 году*. Москва, Тип. Н. Степанова, 1839.
- Глинка Ф. Н. *Письма к другу* (1816). Москва, Современник, 1990.
- Глинка Ф. Н. *Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года, сочиненные Федором Глинкою, а на французский язык переведенные С. Глинкою*. М., тип. Августа Семена, 1821.
- Гоняный М. И., Соловьев Д. Б. Батарея Раевского как артиллерийская позиция. *Отечественная война 1812 года и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXIII МНК, 3–5 сентября 2019*. Бородино, Военно-историч. музей, 2020, 179–188.
- Кормилов С. И. «Да, были люди в наше время...» Лермонтов и 1812 год. *Народное образование* 2012, 9, 112–123.
- Краков А. Я. Лермонтов и античность. *Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В. П. Бузескула*. Харьков, 1914, 792–815.
- Кулагин Р. А. (ред., сост.) *Бородино в воспоминаниях современников*. Санкт-Петербург, Скарабей, 2001.
- Кушнер А. С. *Избранные стихотворения и эссе для Журнального зала*. URL: <https://magazines.gorky.media/library/aleksandr-kushner-izbrannye-stihotvoreniya-i-esse-dlya-zhurnalnogo-zala> (дата обращения: 21.09.2022).
- Любенков Н. *Рассказ артиллериста о деле Бородинском*. Санкт-Петербург, Тип. Э. Праца и К°, 1837.
- Мануйлов В. А. «Поле Бородина». В кн.: В. А. Мануйлов и др. (ред.) *Лермонтовская энциклопедия*. Москва, Советская энциклопедия, 1981, 424.
- Маслов М. Античные мотивы в русской литературе. *Сборник Историко-филологического общества, состоящего при Харьковском университете* 1908, 15, 75–78.
- Материалы лермонтовской комиссии Института русской литературы (Пушкинского Дома) (1938–1941). *Лермонтовский сборник I*. Санкт-Петербург, Б-ка Акад. наук, 2014, 38–121.
- Нилова А. Ю. Гомеровские традиции в лирике М. Ю. Лермонтова. В сб.: Л. Л. Шестакова, Н. В. Патронева (ред.) *Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова*. Петрозаводск, ПетрГУ, 2014, 52–54.
- Нилова А. Ю. Гомеровские традиции в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино». *Ученые записки Петрозаводского государственного университета* 2016, 7/2, 102–104.
- Пенькевич М. В. «Послужить на общую пользу»: жизнеописание Афанасия Столыпина. В сб.: М. В. Пенькевич, В. П. Тотфалушин (ред.) *Годы и люди*. Саратов, Приволжское книжное издательство, 1992, 4–25.
- Подольская И. И. (изд.) *Русские мемуары. Избранные страницы*. Москва, Правда, 1989.
- Прокопенко Л. И., Назарова Л. Н. и др. Столыпина. В кн.: В. А. Мануйлов и др. (ред.) *Лермонтовская энциклопедия*. Москва, Советская энциклопедия, 1981, 550–554.
- Соловьев Д. Б. Непрístupная крепость или слабое укрепление. Сопоставление данных исторических источников и результатов современных археологических исследований Батареи Раевского. *Военно-исторический журнал* 2016, 8, 40–44.
- Степанов В. П. Мерзляков. В кн. В. А. Мануйлов и др. (ред.) *Лермонтовская энциклопедия*. Москва, Советская энциклопедия, 1981, 278–279.
- Суздальский Ю. П. Античные литературы. *Лермонтовская энциклопедия*. Москва, Советская энциклопедия, 1981, 34.
- Чистова И. С. и др. (ред.) М. Ю. Лермонтов. *Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. Проза. Письма*. Отв. редактор Н. Г. Охотин. Санкт-Петербург, Изд-во Пушкинского Дома, 2014.

“But quiet was our bivouac open...”:

A few words about the sources of Lermontov’s inspiration

Michael M. Pozdnev

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; m.pozdnev@spbu.ru

For citation: Pozdnev M. M. “But quiet was our bivouac open...”: A few words about the sources of Lermontov’s inspiration. *Philologia Classica* 2023, 18 (1), 99–112.
<https://doi.org/10.21638/spbu20.2023.109> (In Russian)

Establishing the sources of “Borodino” is a task with many unknowns, hardly feasible even for modern philology. Nevertheless, we do know about several components of the masterpiece: the 1829 school sketch “Le champ de Borodino” and the “Field of Borodino” composed a year or two later to some extent allow us to determine between which alternatives Lermontov was choosing. For example, the French prose text paints the night before the battle in both camps, while the author of the juvenile poem focuses on the Russian. Historicity obviously conflicts here with lyricism. Overcoming the conflict, that is, acting as a historian of the battle while remaining in the costume of its hero, works better if one represents action assumed in a given plot situation. Besides memoirs, among which the notes of F. N. Glinka and N. N. Lubenkov reveal obvious overlaps with Lermontov’s texts, the poet turns to literary models. Among the latter is the *Iliad* in Gnedich’s translation, which came out in 1829 and was lively discussed by literary scholars and scholars, in particular by Lermontov’s teacher A. F. Merzlyakov. Complementing the parallel with *Il.* 11, 523, we add to the list of sources the contrasting description of the Trojan and Achaean camps, seen through the eyes of Agamemnon (10, 11–16), especially since the author of “Le champ de Borodino” describes the behaviour of the French in almost the same terms as Homer describes the Trojans.

Keywords: Lermontov, *Borodino*, Homer, *Iliad*, memories of 1812.

References (all in Russian)

- Brodsky N. L. “Borodino” by M. Lermontov and Its Patriotic Traditions. Moscow — Leningrad, APN Publ., 1948.
- Chistova I. S. et al. (eds) M. Yu. Lermontov. *Collected Works in 4 vols.* Vol. 4. Prose. Letters. Ed. N. G. Okhotin. St. Petersburg, Pushkin House Press, 2014.
- Gavrilov A. K. Borodino and Troy: Poetry, History and Truth. *Abaris. Journal of the Petersburg Classical Gymnasium* 2002, 3, 5–10.
- Gerasimova Y. I., Dumin S. V. (eds) A. N. Muravyev. *Essays and letters.* Irkutsk, Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986.
- Glinka F. N. *Sketches of the Battle of Borodino. Memories of 1812.* Moscow, Tip. N. Stepanova Publ., 1839.
- Glinka F. N. *Letters to a Friend* (1816). Moscow, Sovremennik Publ., 1990.
- Glinka F. N. *Letters of Russian Officer about Military Events of 1812, Composed by Fyodor Glinka and Translated into French by S. Glinka.* Moscow, Tip. Avgusta Semena Publ., 1821.
- Gonyanyi M. I., Solovyev D. B. *Rayevsky’s Battery as an Artillery Position. The Patriotic War of 1812 and the Liberation Campaigns of the Russian Army of 1813–1814: Sources. Monuments. Problems. Proceedings of the XXIII ISC, September 3–5, 2019.* Borodino, Military Historical Museum, 2020, 179–188.
- Kormilov S. I. “Yes, there were men in our time...” Lermontov and 1812. *Narodnoe obrazovanie* 2012, 9, 112–123.
- Krakov A. Y. Lermontov and Antiquity. *Coll. of articles of the Kharkov Historical and Philological Society in Honour of Prof. V. P. Buzeskul.* Kharkov, 1914, 792–815.
- Kulagin R. A. (ed.) *Borodino in Memoirs of Contemporaries.* St. Petersburg, Skarabei Publ., 2001.

- Kushner A.S. *Selected Poems and Essays for the Journal Room*. Available at: <https://magazines.gorky.media/library/aleksandr-kushner-izbrannye-stihotvoreniya-i-esse-dlya-zhurnalnogo-zala> (21.09.2022).
- Lubenkov N. *The Story of Artillerist about Borodino*. St. Petersburg, E. Pratz and Co. typogr., 1837.
- Manuilov V.A. "The Field of Borodino". In: V.A. Manuilov et al. (eds) *Lermontov Encyclopedia*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981, 424.
- Maslov M. Antique Motifs in Russian Literature. *Proceedings of Historical and Philological Society at Kharkov University* 1908, 15, 75–78.
- Materials of the Lermontov Commission of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) (1938–1941). *Lermontov Collection* I, St. Petersburg, B-ka Akad. nauk Publ., 2014, 38–121.
- Nilova A. Yu. Homeric Traditions in Lermontov's Lyrics. In: L. L. Shestakova, N. V. Patroeva (eds). *Problems of Analysis of Artistic Text: To the 200th Anniversary of M. Yu. Lermontov*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2014, 52–54.
- Nilova A. Yu. Homeric Traditions in Lermontov's Poem "Borodino". *Scientific Notes of Petrozavodsk State University* 2016, 7/2, 102–104.
- Penkevich M. V. "Serve for the Common Good": Biography of Athanasius Stolypin. In: M. V. Penkevich, V. P. Totfalushin (eds) *Years and People*. Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1992, 4–25.
- Podolskaya I. I. (ed.) *Russian Memoirs. Selected Pages*. Moscow, Pravda Publ., 1989.
- Prokopenko L. I., Nazarova L. N. et al. Stolypins. In: V. A. Manuilov et al. (eds) *Lermontov Encyclopedia*. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1981, 550–554.
- Solov'ev D. B. An Impregnable Fortress or a Weak Fortification. Comparison of Data from Historical Sources and Results of Modern Archaeological Investigations of the Rayevsky Battery. *Military History Journal* 2016, 8, 40–44.
- Stepanov V. P. Merzlyakov. In: V. A. Manuilov et al. (eds) *Lermontov Encyclopedia*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981, 424, 278–279.
- Suzdalsky Y. P. Ancient Literatures. In: V. A. Manuilov et al. (eds) *Lermontov Encyclopedia*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981, 34.

Received: September 23, 2022

Accepted: January 21, 2023